

Дмитрий Бурминский

ИСТОРИЯ ФАШИЗМА В ЕВРОПЕ

Идеологии, лидеры, преступления

Дмитрий Бурминский

История фашизма в Европе

<https://litres.ru/74079916>

SelfPub; 2026

Аннотация

Данное историческое исследование препарирует анатомию фашистских движений и режимов коллаборационистов в Европе 1919–1945 годов. От пивных залов Мюнхена до лесов Польши и тихих кантонов Швейцарии - книга показывает правый радикализм во всем его пугающем многообразии.

Опираясь на концепции Г. Димитрова, П. Тольятти и М. Манна, автор разрушает миф о фашизме как о народной революции. Исторические факты доказывают: радикалы редко брали власть штурмом. Чаще ключи от государств им добровольно отдавали консервативные элиты, напуганные экономическим кризисом и угрозой социальных бунтов.

В книге разобраны механизмы подчинения общества: от военизированного террора до изощренных технологий социального подкупа масс. На примерах клерикального режима в Словакии, мистического фанатизма в Румынии или диктатуры в Португалии показана трагедия радикального национализма. Местные спасители отечества неизбежно превращались в покорных лакеев чужих империй и соучастников самых страшных преступлений XX века

Дмитрий Бурминский

История фашизма в Европе

Введение. Призрак в стальном шлеме.

В ноябре 1919 года на выборах в Милане в одном списке кандидатов от новой, никому еще не известной политической партии оказались два совершенно разных человека: бывший социалист Бенито Муссолини и всемирно известный дирижер Артуро Тосканини. Программа их «Итальянского союза борьбы» была на удивление прогрессивной: они требовали учредить республику, раздать землю крестьянам, ввести высокие налоги для богачей, дать избирательное право женщинам и ликвидировать Сенат как рассадник коррупции. Однако всего через двенадцать лет, в 1931 году, великий дирижер будет вынужден бежать из страны. Прямо у входа в театр в Болонье молодчики в черных рубашках жестоко избьют Тосканини за то, что он наотрез откажется исполнять гимн той самой фашистской партии, у истоков которой он стоял.

Как Европа, родина гуманизма, классической философии и невероятного технического прогресса, могла так быстро сойти с ума? Почему целые страны, только избавившись от старых монархий после Первой мировой войны, с мазохистским восторгом бросились под ноги диктаторам?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо отбросить

либеральные мифы о том, что фашизм был «временным помешательством» или «случайным зигзагом истории». Современники, столкнувшиеся с этим явлением лицом к лицу, не питали подобных иллюзий. Летом 1935 года на VII конгрессе Коминтерна в Москве Георгий Димитров дал фашизму точное определение, навсегда лишив его ореола «романтического бунта». Он назвал его открытой террористической диктатурой наиболее реакционных и империалистических элементов финансового капитала. Димитров объяснил механику процесса: когда в условиях экономического кризиса рабочие выходят на улицы и начинают угрожать кошелькам крупного бизнеса, элиты просто отбрасывают демократию за ненадобностью. Банкиры и промышленники фактически нанимают радикалов, чтобы те силой навели порядок; таким образом, фашизм оказывается спасательным кругом для богатых.

В том же 1935 году Пальмиро Тольятти, читая лекции для итальянских подпольщиков, углубил эту концепцию. Он подчеркнул, что уникальная и страшная сила фашизма кроется в его способности быть массовым режимом реакционной буржуазии, где беспрецедентный террор виртуозно сочетается с изощренной социальной демагогией. Муссолини и Гитлер не просто запугивали людей - они создавали гигантские сети профсоюзов, молодежных и спортивных организаций (таких как «Дополаворо» или «Сила через радость»), заставляя каждого гражданина чувствовать себя частью ве-

личественного целого. Играя на уязвленной национальной гордости, режим предлагал ложный «третий путь» без жадных капиталистов и коммунистических революций, объединяя общество вокруг ненависти к назначенному врагу.

Если Димитров и Тольятти объяснили, в чьих интересах действовал фашизм и как он управлял массами, то уже на рубеже XXI века американский социолог Майкл Манн детализировал портрет рядового бойца таких режимов. Он ввел понятие «парамилитаризма» - культа военизированной власти, ставшего основой государственной власти. Ядром штурмовых отрядов стали миллионы мужчин, вернувшихся из окопов Первой мировой: они привыкли жить по уставу, не боялись крови, но оказались брошенными на произвол судьбы в условиях мирной жизни с ее инфляцией и безработицей. К ним присоединились «люди государства» - разочарованные кризисом мелкие чиновники, учителя и офицеры. Фашизм предложил им всем красивую форму, чувство локтя и простую армейскую логику: чтобы спасти страну, нужно найти виноватого и безнаказанно его уничтожить ради «очищения» нации.

В этой книге мы пройдем по всей межвоенной Европе - от Лиссабона до Хельсинки - и увидим, что фашизм никогда не был монолитным. Принимая самые причудливые формы, он подстраивался под местную специфику:

-В Румынии он смешался с православным мистицизмом, а боевики «Железной гвардии» носили мешочки с землей,

политой кровью мучеников.

-В Норвегии он маскировался под возрождение традиций викингов.

-В Бельгии он расколол общество на валлонских рексистов и фламандских националистов.

-В Австрии местный «австрофашизм» пытался строить католическую диктатуру, сражаясь одновременно и с рабочими партиями, и с берлинскими нацистами.

-На Балканах он вылился в кровавую баню, где местечковый национализм стал карательным инструментом оккупантов.

Мы посмотрим на эту историю без сухой академической скуки. Это будет рассказ о том, как обычные люди, добропорядочные граждане и любящие отцы семейств, шаг за шагом уступали злу, пока их государства не превратились в огромные концлагеря и фабрики смерти.

Глава 1. Австрия. Смерть карманного диктатора и фашизм под крестом

Днем 25 июля 1934 года в здание федеральной канцелярии в Вене ворвались полторы сотни вооруженных людей. Они были одеты в форму австрийской армии, но действовали как террористы. Захватчики быстро разбежались по коридорам, выискивая одну-единственную цель. Вскоре они нашли того, за кем пришли, и дважды выстрелили ему в шею.

Раненый человек истекал кровью на диване. Он понимал,

что умирает, и умолял лишь об одном - позвать врача и католического священника. Но убийцы только насмехались над ним, намеренно оставив его умирать без медицинской помощи и исповеди.

Этим человеком был канцлер Австрии Энгельберт Дольфус. Он сам был убежденным сторонником диктаторы, создателем авторитарного режима и безжалостным палачом политических оппонентов, в первую очередь коммунистов и социал-демократов. Но самое удивительное в этой истории то, что убили его не коммунисты и не рабочие, с которыми он вёл яростную борьбу. Его застрелили австрийские нацисты, получившие прямой приказ от Гитлера из Берлина.

Как получилось, что одни правые радикалы так жестоко расправились с другим? История австрийского фашизма (или «австрофашизма») - это история невероятных парадоксов. Это был режим, который прикрывался католическим крестом, жестоко подавлял собственных рабочих, но при этом отчаянно пытался спасти независимость страны от соседней нацистской Германии, лавируя между Гитлером и Муссолини.

Голова без туловища

Чтобы понять, как в тихой Австрии возникла диктатура и тоталитарное государство, нужно посмотреть на страну после Первой мировой войны. Когда рухнула огромная Австро-Венгерская империя, Австрия проснулась маленьким, нищим горным государством. Роскошная Вена, привыкшая

управлять половиной Европы, оказалась столицей крошечной республики, которую можно было проехать на поезде за несколько часов. Французский премьер Жорж Клемансо тогда зло пошутил, что новая Австрия - это просто то, что осталось после раздачи земель победителям.

Страна сразу раскололась на две части. С одной стороны, была «Красная Вена» - столица, где прочно взяли власть социал-демократы. Они строили для рабочих огромные и комфортные жилые комплексы (такие как знаменитый Карл-Маркс-Хоф), вводили социальные гарантии и пытались создать город будущего.

С другой стороны была «Черная Австрия» - консервативные, глубоко католические провинции. Местные крестьяне, лавочники и крупные землевладельцы смотрели на «Красную Вену» с ужасом. Именно здесь, в провинции, начало зарождаться то, что социологи называют фундаментом фашизма - парамилитаризм, то есть опора на гражданские военизированные отряды.

С фронтов вернулись тысячи солдат. Империя исчезла, работы не было, деньги обесценивались, и они начали сбиваться в стихийные отряды - «Хаймвер» (Союз защиты родины). Возглавил их князь Эрнст Рюдигер фон Штархемберг, типичный авантюрист того времени. У «Хаймвера» поначалу не было четкой программы, их объединяла лишь ненависть к социалистам, любовь к военной форме и желание навести порядок железной рукой.

В мае 1930 года бойцы «Хаймвера» принесли так называемую «Корнойбургскую клятву». Радикалы открыто заявили: *«Мы отвергаем западный демократический парламентаризм и партийное государство! Мы хотим заменить его сословным строем и сильным государственным руководством»*. Это был открытый вызов всей системе.

«Миллеметтерних» берет власть

В 1932 году канцлером Австрии становится лидер Христианско-социальной партии Энгельберт Дольфус. Он был человеком небольшого роста - всего около 150 сантиметров. Политические враги тут же придумали ему обидное прозвище «Миллеметтерних» (соединив слово «миллиметр» и фамилию великого австрийского канцлера XIX века Меттерниха). Но амбиции у этого невысокого человека были по-настоящему огромными.

Дольфус видел, что страну рвут на части. Слева давили мощные профсоюзы и рабочие организации. Справа стремительно набирали силу местные нацисты, которые требовали немедленно ликвидировать Австрию и присоединить ее к гитлеровской Германии. У Дольфуса не было мощной народной поддержки, его партия не имела большинства. И здесь сработал тот самый механизм, о котором предупреждал Георгий Димитров: когда у фашистских групп нет широкой массовой базы внизу, они приходят к власти сверху, опираясь на штыки, полицию и государственный аппарат, действуя в интересах напуганных элит.

Весной 1933 года в парламенте произошел курьезный случай. Во время голосования по поводу забастовки железнодорожников возникли споры, и из-за процедурной путаницы спикер и оба его заместителя поочередно ушли в отставку. Парламент фактически остался без руководства. Дольфус моментально ухватился за этот шанс. Он объявил, что парламент «сам себя устранил», и просто закрыл его двери, запретив депутатам собираться. Канцлер начал править страной с помощью чрезвычайных военных законов времен Первой мировой, которые по чистой случайности забыли отменить.

Дольфус последовательно запретил коммунистическую партию, а затем и австрийских нацистов. Взамен он создал единую разрешенную организацию - «Отечественный фронт» (*Vaterländische Front*). Символом нового режима стал костыльный крест (Крукенкройц), который начали лепить повсюду, пытаясь противопоставить его гитлеровской свастике.

Идеология: сословия вместо классов и «лучшие немцы»

В чем же заключалась идеология австрофашизма? Дольфус и его преемники пытались изобрести собственный рецепт диктатуры. Они полностью отказались от расовой теории Гитлера. Вместо этого они замешали свой режим на радикальном политическом католицизме.

Официальным фундаментом австрийской диктатуры стала папская энциклика *Quadragesimo anno* («В год сороко-

вой»), выпущенная Пием XI в 1931 году. В этом документе Ватикан критиковал и капитализм, и марксизм, предлагая искать компромисс. Но австрийские верхи истолковали это по-своему. 1 мая 1934 года Дольфус провозгласил новую конституцию «Сословного государства» (Ständestaat).

Замысел был красивым на бумаге: общество делилось не на борющиеся классы (рабочие и капиталисты), а на семь корпораций или сословий (сельское хозяйство, промышленность, торговля, финансы, государственная служба и т.д.). Предполагалось, что внутри этих сословий фабриканты и рабочие будут мирно решать все вопросы под присмотром церкви и государства.

На практике же, как очень точно подмечал в своих лекциях Пальмиро Тольятти, этот корпоративизм оказался гигантской фальшивкой для обмана масс. Свободные профсоюзы были ликвидированы, право на забастовки - запрещено под страхом тюрьмы, а рабочие были насильно записаны в подконтрольный государству Единый профсоюз. Вся власть внутри «сословий» осталась в руках прежних хозяев - крупных промышленников и банкиров. Австрофашизм просто упаковал диктатуру капитала в красивую религиозную обертку.

Второй важнейшей чертой идеологии стал яростный австрийский национализм. Но это был странный национализм. Дольфус и его соратники утверждали, что австрийцы - это «лучшие, правильные немцы». Они заявляли, что Германия

сошла с ума, поддавшись языческому, безбожному нацизму. Австрия же виделась им хранительницей истинного духа старой Священной Римской империи, оплотом христианской культуры в Европе. Католическая церковь получила тотальный контроль над школами и культурой, а посещение воскресных месс для чиновников стало фактически обязательным.

Токсичный треугольник: Вена, Рим и Берлин

Самая драматичная страница этой истории - это отношения Дольфуса с главными хищниками Европы: Бенито Муссолини и Адольфом Гитлером.

Гитлер ненавидел Дольфуса лично и презирал его проект независимой Австрии. Для фюрера, австрийца по рождению, поглощение родины стала навязчивой идеей. Берлин начал против Вены настоящую экономическую войну. Германия ввела так называемый «залог в 1000 марок» - каждый немецкий турист, желавший поехать в Австрию, должен был заплатить огромный сбор в бюджет Рейха. Это практически уничтожило австрийский туристический сектор. В ответ Дольфус начал массово арестовывать австрийских нацистов и отправлять их в концентрационный лагерь Вёллерсдорф.

В этой ситуации единственным спасением для маленького канцлера стал Бенито Муссолини. Дуче в начале 1930-х годов вовсе не желал видеть немецкие танки на своих северных границах, у альпийского перевала Бреннер. Ему нужна была буферная Австрия, причем Австрия фашистская, зави-

симая от Рима.

Муссолини стал личным покровителем Дольфуса. Они постоянно переписывались, и дуче общался с австрийским коллегой как строгий старший брат. Сохранились свидетельства, что Муссолини прямым текстом советовал Дольфусу: «Если хочешь получать от Италии деньги и оружие, кончай играть в демократию. Разгони парламент и, главное, раздави социалистов». Дольфус послушно выполнял эти инструкции.

Связь между Римом и Веной была настолько тесной, что в июле 1934 года, когда нацисты ворвались в канцелярию и смертельно ранили Дольфуса, жена австрийского канцлера, Альвина, вместе с детьми находилась на отдыхе в Италии. И не где-нибудь, а на личной вилле Муссолини в Риччоне, будучи гостями его семьи.

Когда Муссолини узнал о гибели Дольфуса, он был в ярости, импульсивный итальянец проклинал Германию и немцев, придумывая им самые обидные прозвища. Дуче пришлось лично сообщать страшную новость плачущей Альвине Дольфус. В те дни Муссолини в частных разговорах называл Гитлера «ужасным монстром» и «сексуальным дегенератом», заявляя, что нацизм - это варварство, которому не место в Европе. Чтобы показать зубы Гитлеру, Муссолини мобилизовал четыре дивизии, отправил их к австрийской границе и прямо заявил Берлину: если немецкие войска войдут в Австрию, Италия начнет войну. Гитлер, чья армия тогда

была еще слаба, реально испугался, как говорится «сдал назад» и поспешил заявить, что берлинские нацисты не имеют никакого отношения к убийству Дольфуса.

Февральская бойня: пушки против рабочих

Выполняя волю Муссолини и собственных напуганных элит, Дольфус зачистил левое поле. Кульминация наступила в феврале 1934 года, когда полиция и боевики «Хаймвера» попытались силой отобрать оружие у полулегальных социал-демократических отрядов (Шутцбунда). Рабочие подняли восстание.

В Вене начались настоящие городские бои. Правительство не придумало ничего лучшего, как подкатить к мирным рабочим кварталам тяжелую артиллерию. Пушки прямой наводкой расстреливали Карл-Маркс-Хоф и другие рабочие дома, где забаррикадировались повстанцы. За несколько дней боев погибли сотни человек. Восстание утопили в крови, левые партии были разгромлены, а их лидеров спешно отправили на виселицы.

Разгромив левых, Дольфус совершил роковую ошибку - он уничтожил единственную силу, которая могла бы с оружием в руках защищать страну от нацизма. Столичные рабочие теперь ненавидели «Отечественный фронт» едва ли не сильнее, чем Гитлера. Канцлер остался без поддержки тех, кто мог спасти его самого и всю страну.

Преданные и забытые: финал Шушнига

Новым руководителем страны после убийства Дольфуса

стал Курт фон Шушниг. Это был типичный «человек государства», о которых писал историк Майкл Манн - сухой, педантичный юрист, искренне веривший в сословную монархическую Австрию. Шушниг попытался укрепить режим, распустил буйную и непредсказуемую милицию «Хаймвер», создав вместо нее послушный «Фронтмилиц».

Но времена стремительно менялись, геополитическая ситуация в мире становилась тяжелой. Муссолини, который еще вчера угрожал Гитлеру войной из-за Австрии, в 1935 году ввязался в колониальную авантюру в Эфиопии. Против Италии ввели международные санкции, Англия и Франция отвернулись от дуче, и у него не осталось другого выхода, кроме как пойти на поклон к Берлину. Родился союз двух главных диктаторов - «Ось Рим - Берлин».

Австрия моментально превратилась в разменную монету. Когда Шушниг в очередной раз попытался навестить Муссолини, чтобы попросить политической поддержки, дуче встретил его крайне холодно. Он прямо дал понять австрийскому коллеге: Италия больше не будет охранять перевал Бреннер ради Вены. «Австрия должна вести себя как немецкое государство», - цинично отрезал Муссолини. Покровитель сдал своего карманного союзника.

В феврале 1938 года Гитлер вызвал Шушнига в свою резиденцию в Берхтесгадене. Фюрер орал на австрийского канцлера, топал ногами и в ультимативной форме потребовал легализовать нацистов, выпустить их из тюрем и отдать им

ключевое министерство внутренних дел, контролирующее полицию. Шушниг сломался и подписал соглашение.

Пытаясь сыграть ва-банк в последний момент, Шушниг вернулся в Вену и объявил о проведении всенародного референдума о независимости Австрии. Он надеялся, что патриотически настроенные граждане скажут Гитлеру «нет». Но Гитлер не собирался играть по правилам. Берлин пригрозил немедленным военным вторжением, если референдум не отменят.

11 марта 1938 года Шушниг выступил по радио с прощальной речью, закончив ее словами: «Бог, храни Австрию», и подал в отставку. На следующий день немецкие танки пересекли границу. Австрофашистский режим рухнул за несколько часов, не оказав никакого сопротивления. Наоборот, значительная часть населения, уставшая от бедности, безработицы и многолетней серой диктатуры, восторженно встречала нацистов.

Финал этой истории оказался трагикомичным и страшным одновременно. Новые хозяева сразу же арестовали Шушнига (он проведет всю войну в немецких концлагерях). Тысячи чиновников «Отечественного фронта», судей, прокуроров и офицеров, строивших австрийское «сословное государство», были схвачены гестапо и отправлены в Дахау и Бухенвальд.

Там, в лагерных бараках, они оказались лицом к лицу с теми самыми австрийскими коммунистами и социалистами,

которых сами же сажали в тюрьмы и расстреливали из пушек всего четыре года назад. Это был наглядный и жестокий итог австрофашистского эксперимента: уничтожив демократию и попытавшись победить нацизм с помощью собственной, «карманной» диктатуры под крылом Муссолини, австрийские правые элиты лишь расчистили дорогу настоящему, тотальному злу.

Глава 2. Албания. Купленная корона и мираж Великой Албании

Утром 7 апреля 1939 года, в Страстную пятницу, жители албанского портового города Дуррес проснулись от гула корабельных орудий. На горизонте маячил мощный флот: линкоры, крейсера и транспортные суда. Это не была вражеская армада - это приплыли «друзья». Итальянский диктатор Бенито Муссолини решил, что пришло время окончательно присоединить маленькую балканскую страну к своей империи.

В столице страны, Тиране, царила паника. Король Албании Ахмет Зогу, самопровозглашенный монарх, любивший пышные мундиры и карточные игры, спешно паковал чемоданы. Он приказал погрузить в автомобили остатки государственного золотого запаса, посадил в машину жену с новорожденным наследником и рванул в сторону греческой границы, бросив свой народ на произвол судьбы. Итальянские войска почти без сопротивления заняли страну.

Именно так, на штыках иностранного экспедиционного корпуса, в Албанию пришел фашизм. В отличие от Германии или Италии, где ультраправые радикалы годами боролись за власть на улицах, албанский фашизм был импортным продуктом, аккуратно привезенным в трюмах итальянских кораблей.

Страна в ломбарде

Чтобы понять, как Албания оказалась в таком положении, нужно вернуться на десятилетие назад. Албания была одной из самых бедных и отсталых стран Европы. Там почти не было промышленности, железных дорог и университетов, зато процветала кровная месть и власть клановых вождей.

Ахмет Зогу, став королем в 1928 году, отчаянно нуждался в деньгах для модернизации страны и содержания своего двора. И Бенито Муссолини охотно открыл кошелек. Рим выдавал Тиране один кредит за другим, строил дороги, мосты и правительственные здания. Итальянские офицеры тренировали албанскую армию, а итальянские компании получили монополию на добычу полезных ископаемых.

Албания постепенно превратилась в страну, заложенную в ломбард. К 1939 году Муссолини понял, что король Зогу никогда не отдаст долги, да еще и начал проявлять излишнюю самостоятельность. Дуче решил забрать залог силой. Албания стала плацдармом Рима на Балканах, личным трофеем Муссолини, который отчаянно завидовал успехам Гитлера (тот как раз за месяц до этого проглотил Чехосло-

вакию).

Партия по итальянскому лекалу

Сразу после оккупации, уже в июне 1939 года, оккупанты создали Албанскую фашистскую партию (Partia Fashiste e Shqipërisë). Это был абсолютный, стопроцентный клон Национальной фашистской партии Италии. Албанские партийцы даже подчинялись напрямую секретарю итальянской партии в Риме.

Найти людей, готовых надеть черные рубашки, оказалось несложно. Среди местной элиты всегда хватало тех, кто готов был служить сильному покровителю. Первым секретарем партии стал Тефик Мборья - давний друг графа Галеаццо Чиано (зятя Муссолини и министра иностранных дел Италии). Мборья был скорее чиновником-карьеристом, чем пламенным трибуном.

Куда более серьезной фигурой стал Мустафа Мерлика-Круя, который в 1941 году занял пост премьер-министра оккупационного правительства. Это был образованный человек, интеллеktуал, искренне веривший, что союз с фашистской Италией - единственный шанс для албанцев выжить в окружении «враждебных» славян и греков.

Идеология албанского фашизма радикально отличалась от австрийской или германской. Здесь не было глубоких рассуждений о корпоративном государстве или борьбе с мировым капиталом. У албанского крестьянина не было капитала, который нужно было спасать. Поэтому итальянцы и их

местные пособники сделали ставку на самый мощный и безотказный наркотик - пещерный национализм.

Главная приманка: «Великая Албания»

Албанским фашистам нечего было предложить народу в плане экономики, зато они предложили мечту. Идеологическим фундаментом режима стала концепция «Великой Албании» (E Shqipërisë së Madhe).

Дело в том, что после распада Османской империи сотни тысяч албанцев остались за пределами своего государства - в югославском Косово, в Черногории, Македонии и на севере Греции (в области Чамерия). Фашистская пропаганда изо дня в день твердила: король Зогу был трусом, демократии Запада лицемерны, и только дуче Муссолини вернет албанцам их исторические земли.

И Муссолини действительно начал выполнять это обещание. В апреле 1941 года Гитлер и Муссолини разгромили Югославию и Грецию. К восторгу тиранских националистов, к Албании были официально присоединены Косово и часть Македонии. Мустафа Мерлика-Круя ездил по новым территориям, выступая с пламенными речами: *«Италия дала нам империю, теперь мы должны очистить ее от чужаков»*.

На практике это означало жесточайшую этническую чистку. Политика албанских фашистов на присоединенных землях свелась к вытеснению и террору против сербов и черногорцев. Десятки тысяч славянских колонистов, переехавших в Косово в межвоенные годы, были изгнаны, их дома сожже-

ны, а земли розданы албанцам.

Однако за эту иллюзию величия приходилось платить кровью. Когда в 1940 году Муссолини решил напасть на Грецию, он погнал на фронт албанские батальоны. Но тут итальянцев ждал неприятный сюрприз: албанцы совершенно не хотели умирать за интересы Рима. В первых же боях с греками целые албанские подразделения либо дезертировали в горы, либо сдавались в плен, что стало одной из причин позорного поражения итальянской армии на первом этапе той войны.

Хозяева меняются: приход дивизии «Скандербег»

Осенью 1943 года режим Муссолини в Италии рухнул. Итальянская оккупационная армия в Албании просто развалилась - солдаты бросали оружие и пытались добраться домой. Казалось бы, фашизму в Тиране пришел конец.

Но на смену «опереточным» итальянцам тут же пришли прагматичные немцы. Вермахт стремительно занял Албанию. Гитлеровцы действовали умнее: они заявили, что Германия, в отличие от Италии, признает Албанию «независимым государством», и даже разрешили местному правительству заявить о нейтралитете.

Албанская фашистская партия была спешно распущена, а ее место заняли правые радикалы из движения «Балли Комбетар» (Национальный фронт). Их идеология осталась прежней - сохранение Великой Албании и тотальная война против коммунистических партизан.

Немцы пошли еще дальше. Весной 1944 года по личному приказу Генриха Гиммлера была сформирована 21-я горнострелковая дивизия СС «Скандербег», состоявшая в основном из косовских албанцев. Немцы надеялись, что, дав местным националистам немецкое оружие и красивую форму с эмблемой двуглавого орла, они получат отличных солдат для охраны балканских тылов.

Но проект дивизии СС в Албании обернулся грандиозным провалом, показав всю гнилость нацистской попытки опереться на местечковый национализм. Бойцы «Скандербега» не хотели воевать в горах против закаленных сербских партизан. Вместо этого они занялись тем, ради чего и брали в руки оружие, - грабежами и этническими чистками. Дивизия прославилась массовыми убийствами сербского населения в Косово и арестом последних остававшихся там евреев (которых отправили в лагерь Берген-Бельзен).

Как только советские войска приблизились к Балканам, а югославские и албанские коммунисты перешли в масштабное наступление, эсэсовцы из «Скандербега» начали дезертировать тысячами. К осени 1944 года от дивизии осталось лишь жалкое немецкое ядро - албанцы просто разошлись по домам, прихватив с собой винтовки.

Бесславный финал

Конец албанского фашистского эксперимента был жестоким и кровавым. В ноябре 1944 года немецкие войска покинули Тирану. Следом за ними в панике бежали и лидеры

коллораборационистов. Власть в стране взяли коммунистические партизаны под руководством Энвера Ходжи.

Тефик Мборья, первый секретарь фашистской партии, был схвачен, осужден на показательном суде и отправлен в тюрьму, где впоследствии и умер (по другим данным, был расстрелян). Мустафе Мерлика-Круе повезло чуть больше - он успел бежать в Италию, а оттуда в США, где и окончил свои дни в глубокой старости, до конца жизни пытаясь оправдать свое сотрудничество с Муссолини желанием спасти нацию.

Албанский фашизм так и остался явлением-паразитом. Он не вырос из внутренних экономических противоречий общества, как в Германии или Италии. Это был классический пример того, как местная элита, ослепленная мечтами о национальном величии и территориальных приобретениях, добровольно продала страну чужому диктатору. Но, как показала история, построенная на штыках оккупантов «Великая Албания» оказалась замком из песка, который был смыт первой же большой волной.

Глава 3. Бельгия. Страна на разрыв и «приемный сын» Гитлера

В августе 1944 года, когда Адольф Гитлер уже превратился в трясущуюся развалину и почти никого не подпускал к себе после неудачного покушения, он лично вручил Рыцарский крест с дубовыми листьями одному молодому ино-

странцу. Глядя на этого высокого, красивого офицера войск СС, фюрер расчувствовался и произнес фразу, которая навсегда вошла в историю: *«Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он был похож на вас»*.

Этим человеком был Леон Дегрель - лидер бельгийских фашистов.

История фашизма в Бельгии уникальна. В отличие от Германии или Италии, здесь радикалам не пришлось ломать единое государство - страна уже была расколота надвое. Бельгия представляла собой искусственный союз: на севере жили фламандцы, говорившие на языке, близком к нидерландскому, а на юге - франкоязычные валлоны. Элита исторически говорила по-французски, что дико раздражало фламандцев, считавших себя людьми второго сорта в собственной стране.

Именно поэтому единого бельгийского фашизма не получилось. На этой удобренной взаимными обидами почве выросли сразу два независимых ядовитых цветка.

Два лица бельгийского радикализма

На фламандском севере в 1933 году возник **Фламандский национальный союз (VNV)**. Его лидер Стаф де Клерк был грузным, тяжелым в общении бывшим школьным учителем. Идеология VNV была простой, деревенской и откровенно расистской. Они ненавидели французскую культуру, презирали демократию и мечтали отколоться от Бельгии, чтобы создать «Великие Нидерланды», а позже - просто

стать провинцией Третьего рейха. Это был классический местечковый национализм, замешанный на крови и почве.

Но настоящей звездой бельгийского - да и европейского - фашизма стал юг. Здесь возшла звезда Леона Дегреля.

Дегрель был полной противоположностью Клерку. Блестящий оратор, интеллектуал, выходец из богатой семьи французских католиков, он начинал как журналист. Свое движение он назвал «**Рекс**» (от латинского *Christus Rex* - Христос Царь).

Изначально рексизм даже не пах нацизмом. Дегрель гениально использовал то, о чем предупреждал Пальмиро Тольятти: фашизм всегда начинается с мощной социальной демагогии. В годы Великой депрессии мелкие бельгийские буржуа, лавочники, клерки и католики были в ужасе от безработицы и коррупции в правительстве. Дегрель не призывал к концлагерям. Он призывал «очистить авгиевы конюшни парламента».

Рексисты приходили на митинги с обычными метлами в руках - символ того, что они выметут продажных политиков. Дегрель выпускал газеты тиражами в сотни тысяч экземпляров, лично летал на самолете с митинга на митинг и говорил с людьми понятным, живым языком. На выборах 1936 года «Рекс» произвел фурор, взяв больше 11% голосов и 21 место в парламенте. Казалось, власть сама плывет ему в руки.

Идеологический кульбит: как метла превратилась в свастику

Но успех быстро вскружил Дегрелю голову, а старые элиты и католическая церковь, поняв опасность, отвернулись от него. К 1939 году популярность «Рекса» рухнула. И вот тут Дегрель совершил идеологический кульбит, который идеально подтверждает тезис Георгия Димитрова.

Димитров говорил, что фашизм - это инструмент самых хищных кругов крупного капитала. Дегрель, потеряв поддержку бельгийского среднего класса, пошел на поклон к капиталу иностранному - нацистскому. Он начал тайно получать чеки из Берлина и Рима.

Вся его независимая католическая риторика испарилась. Рексизм стремительно радикализировался: появился яростный антисемитизм, которого раньше в движении не было, и откровенное преклонение перед Гитлером.

В мае 1940 года немецкие танки прорвали границу Бельгии и оккупировали страну за 18 дней. Дегрель, который еще недавно клялся в любви к родине, моментально предложил свои услуги оккупантам. То же самое сделал и Фламандский национальный союз на севере.

Парамилитаризм в чистом виде: бельгийцы в окопах России

Но немцы оказались прагматиками. Им не нужны были бельгийские политики, им нужно было пушечное мясо. И здесь идеология бельгийских фашистов достигла своей финальной, самой страшной стадии - того самого «парамилитаризма» Майкла Манна.

Манн пишет, что суть фашизма раскрывается через культ насилия и войны. Дегрель понял: чтобы получить реальную власть из рук Гитлера в послевоенной Европе, он должен пролить кровь. Свою и чужую.

Когда в 1941 году Гитлер напал на СССР, Дегрель объявил о создании Добровольческого легиона «Валлония». Параллельно фламандцы создали легион «Фландрия» (позже переформированный в дивизию СС «Лангемарк»).

Дегрель поступил хитро и эффективно: лидер партии пошел на Восточный фронт простым рядовым (хотя быстро дослужился до командира). Для тысяч молодых бельгийцев, потерявших работу и ориентиры в оккупированной стране, он стал магнитом. Пропаганда убеждала их, что они едут в Россию не как предатели Бельгии, а как крестоносцы, спасающие европейскую цивилизацию от большевизма.

На Восточном фронте бельгийские коллаборационисты столкнулись с суровой реальностью. В феврале 1944 года бригада СС «Валлония» попала в страшный Корсунь-Шевченковский котел (Черкасское окружение). Бельгийцев бросили в арьергард - прикрывать отход немецких войск под ударами советской артиллерии и танков. Из 2000 валлонов из котла вырвались лишь немногим более 600. Дегрель был ранен, но уцелел.

Именно после этой бойни Гитлер, восхищенный тем, что иностранцы умирали за него с таким фанатизмом, наградил Дегреля и произнес ту самую фразу про «сына».

Дома - террор, в финале - бегство

Пока Дегрель получал кресты в ставке фюрера, его партия в самой Бельгии превратилась в банальную банду убийц. Оставшиеся в тылу рексисты и фламандские националисты выполняли грязную работу для гестапо: выслеживали евреев, сдавали соседей, пытали участников бельгийского Сопротивления.

Идеология полностью деградировала. От разговоров про социальную справедливость и «очищение» страны не осталось и следа. Бельгийский фашизм стал просто обслуживающим персоналом для немецкой машины террора.

Осенью 1944 года союзники освободили Бельгию. Возмездие было стремительным. Народ, уставший от оккупации и предательства, устроил самосуд над тысячами коллаборационистов. Многие активисты «Рекса» и VNV были расстреляны по приговорам трибуналов, тысячи оказались за решеткой. Стаф де Клерк до этого не дожил - он умер еще в 1942 году.

Но самый ловкий и кровавый из них ушел от ответа. В мае 1945 года, в последние дни войны, Леон Дегрель сумел достать легкомоторный самолет. Под огнем зениток он перелетел через всю воюющую Европу и чудом дотянул до побережья Испании, где его приютил дружественный диктатор Франсиско Франко.

Бельгия заочно приговорила Дегреля к смертной казни и десятилетиями требовала его выдачи. Но франкистская Ис-

пания так его и не отдала.

Дегрель дожил до глубокой старости и умер в 1994 году в комфорте и достатке в Малаге. До последнего вздоха он не раскаялся ни в чем, с удовольствием давал интервью в эсэсовской форме и писал мемуары, где восхвалял Гитлера. Его судьба стала злой насмешкой над правосудием, но одновременно - идеальной иллюстрацией фашистской сути: безграничный эгоизм, умение продать собственную страну ради чужого одобрения и полное отсутствие эмпатии к миллионам жертв, которыми был оплачен его личный Рыцарский крест.

Глава 4. Болгария. Фашизм сверху, пули в спину и царский гамбит

Вечером 13 февраля 1943 года в центре Софии было морозно и тихо. Бывший военный министр, а ныне лидер Союза болгарских национальных легионов генерал Христо Луков неспешно подходил к своему дому на улице Артиллерийской. Он был уверен в себе: его легионеры носили форму со свастиками, он был лично знаком с Германом Герингом, а немецкий посол видел в нем будущего правителя Болгарии.

Генерал нажал на ручку двери, но войти не успел. Из темноты вынырнули две тени. Раздались выстрелы. Луков обернулся и попытался придавить одного из нападавших тяжелой дверью. Тогда вторая фигура в упор разрядила в генерала пистолет. Луков рухнул замертво.

Самое поразительное в этой истории то, кто именно убил вождя болгарского фашизма. Это была 19-летняя Виолета Якова - девушка из бедной еврейской семьи, участница коммунистического подполья. В этой уличной стычке, как в капле воды, отразилась вся суть того, что происходило в Болгарии: жесточайшая, непримиримая классовая и политическая война, где никто не брал пленных.

История болгарского фашизма радикально отличается от немецкой или итальянской. И именно на это обратил внимание Георгий Димитров в своем знаменитом докладе 1935 года.

Диагноз Димитрова: как государство покупает себе партию

Будучи болгаринном, Димитров лучше кого-либо знал, что происходило у него на родине. В Москве он прямо предупредил Коминтерн: не стоит думать, что фашизм опасен только там, где у него есть миллионные толпы сторонников, как у Гитлера.

«Мы имеем примеры таких стран, как Болгария... где фашизм, не имея широкой базы, все же приходил к власти, опираясь на вооруженные силы государства, а потом пытался расширить свою базу путем использования государственного аппарата», - говорил Димитров.

Болгария стала классической лабораторией «фашизма сверху». После Первой мировой войны, которую страна проиграла, власть оказалась в руках Земледельческого союза -

популярной крестьянской партии во главе с Александром Стамболийским. Он проводил радикальные реформы: отбирал излишки земли у богачей, вводил прогрессивные налоги, судил виновников войны. Старая элита - крупные землевладельцы, банкиры и офицеры - была в ужасе.

Летом 1923 года эта элита не стала создавать массовую партию с красивыми лозунгами. Она просто наняла армию. Военные совершили переворот, Стамболийского зверски убили (ему отрезали руки), а по стране прокатилась волна такого террора против крестьян и коммунистов, что его часто называют первым в Европе опытом фашистской расправы.

То есть в Болгарии сначала элита силой захватила государство, а уже потом, чтобы хоть как-то оправдать свою диктатуру и мобилизовать молодежь, начала плодить фашистские организации.

Легионеры и «Ратники»: фашизм по доверенности

К 1930-м годам в стране сформировались два главных ультраправых движения.

Первым был **Союз болгарских национальных легионов (СБНЛ)**. Возглавил его тот самый застреленный генерал Христо Луков. Легионеры обожали маршировать в форме, устраивали факельные шествия и драки с коммунистами. Они мечтали построить тоталитарное государство, где не будет ни партий, ни профсоюзов, а нация превратится в единый военный лагерь, слепо преданный вождю.

Второй, более изоэренной группировкой были «**Ратники**» (Ратници за напредька на българщината - Воины за прогресс болгарского духа). Если легионеры делали ставку на уличных штурмовиков, то «Ратники» были интеллектуалами-радикалами. Их носили красные рубашки, а символом служил знак, очень напоминающий свастику (так называемый «богатир»). Лидером их политического крыла был юрист Александр Белев. «Ратники» стали главными проводниками звериного антисемитизма в стране, слепо копируя немецкие расовые теории.

Но почему же ни Луков, ни Белев так и не стали болгарскими Гитлером или Муссолини?

Царский гамбит и парадокс Холокоста

Ответ кроется в фигуре царя Бориса III. Это был хитрый, осторожный и циничный политик. В середине 1930-х годов он ловко отстранил от власти военных и установил личную, королевскую диктатуру. Парламент стал декоративным, партии были запрещены.

Царь Борис заключил союз с Гитлером, Болгария вошла в блок Оси. Но царь панически боялся отдавать реальную власть местным фашистам. Он использовал их как пугало и как цепных псов. Царь позволял легионерам бить левых активистов, а Белева даже назначил на пост Комиссара по еврейским делам. Но как только генерал Луков набрал слишком много влияния и стал шептаться с немцами о смене правительства, царь просто закрыл на это глаза... до тех пор, по-

ка пули коммунистического подполья не решили эту проблему за него.

Деятельность Александра Белева на посту Комиссара - самая драматичная страница тех лет. Этот убежденный фашист разработал «Закон о защите нации» (копию Нюрнбергских расовых законов) и договорился с гестапо о депортации всех евреев в лагерь смерти.

В марте 1943 года Белев организовал тайную отправку 11 тысяч евреев из Македонии и Фракии (территорий, которые Гитлер отдал Болгарии) прямым путем в Треблинку. Почти все они погибли.

Но когда Белев попытался проделать то же самое с 48 тысячами евреев самой Болгарии, система дала сбой. Сработал тот самый фактор, которого не хватало фашистам - отсутствие широкой массовой базы. Обычные болгары, крестьяне, врачи, соседи не поддерживали террор. Против депортации восстала Православная церковь: митрополит Стефан заявил царю, что ляжет на рельсы перед эшелонами. Депутаты парламента устроили скандал. Царь Борис, понимая, что это может спровоцировать бунт, отменил приказ. Болгария стала одной из немногих стран Оси, где старое еврейское население выжило почти полностью. Белев был в бешенстве, но ничего не мог поделать.

Конец игры и «призрачная бригада» СС

Болгарский фашизм держался исключительно на силе государственного аппарата и немецких штыках за границей.

Царь Борис умудрился просуществовать начальным этапом Второй Мировой войны союзником Гитлера, но так и не отправил ни одного болгарского солдата на Восточный фронт против СССР - он знал, что армия просто откажется стрелять в русских.

Но осенью 1944 года эта политическая эквилибристика закончилась. Царь к тому времени загадочно умер после визита к Гитлеру. Красная армия подошла к границам Болгарии. В стране вспыхнуло мощнейшее народное восстание, подготовленное коммунистами и антифашистами. 9 сентября 1944 года режим рухнул в одночасье.

Александр Белев, понимая, что его ждет петля, попытался сбежать с чемоданом денег, но был опознан на вокзале и застрелен партизанами. Тысячи чиновников, полицейских и участников карательных отрядов попали под трибунал.

Финал болгарского фашизма разыгрался уже за пределами страны и выглядел жалко. Как описывают историки иностранных формирований Третьего рейха, в конце 1944 года немцы попытались слепить из оказавшихся в Германии праворадикальных болгарских студентов и офицеров-эмигрантов боевую часть. Так появилась Болгарская противотанковая бригада войск СС (Waffen-Panzerjäger-Regiment der SS (bulgarisches 1)).

Из этой затеи ничего не вышло. Немцы выдали добровольцам оружие и эсэсовские мундиры, нашив на рукава национальные болгарские гербы, но полноценной боевой еди-

ницей они так и не стали. Весной 1945 года эту наспех сколоченную бригаду просто затянуло в водоворот всеобщего отступления на территории Австрии. Зажатые между надвигающимися фронтами, болгарские фашисты успели поучаствовать лишь в нескольких безнадежных стычках с авангардом Красной армии. Поняв, что Третий рейх рушится, уцелевшие легионеры сделали единственный логичный для себя выбор. Они побросали оружие, сняли форму, переоделись в гражданское и затерялись в бесконечных колоннах беженцев, уходя на запад, чтобы благополучно сдаться в плен американским войскам.

Болгарский эксперимент подтвердил правоту Тольятти и Димитрова: если диктатура не смогла одурманить и мобилизовать массы, если она осталась лишь инструментом в руках узкой группы элиты и полиции, она рассыпается в пыль от первого же серьезного удара.

Глава 5. Великобритания. Джентльмены в черных рубашках и фашизм с королевским акцентом

Вечером 7 июня 1934 года лондонский выставочный центр «Олимпия» был забит до отказа. Двенадцать тысяч человек собрались, чтобы послушать самого блестящего, харизматичного и скандального политика Империи - сэра Освальда Мосли. В зале сидели лорды, промышленники, светские дамы и депутаты парламента.

Но это не был обычный политический митинг старой доб-

рой Англии. Проходы патрулировали сотни молодых людей в черных рубашках фашистского кроя. Когда в толпе кто-то из антифашистов попытался выкрикнуть лозунг и прервать оратора, на него тут же набросились штурмовики. Они избивали протестующих кастетами и резиновыми дубинками, сбрасывали их с лестниц и вышвыривали на улицу в разорванной одежде. И все это происходило на глазах у британской элиты.

В ту ночь Англия с ужасом увидела, что болезнь, пожиравшая континентальную Европу, перебралась через Ла-Манш.

Как получилось, что в старейшей демократии мира, стране парламентов и джентльменских клубов, пустил корни фашизм? И почему он едва не добрался до самого Букингемского дворца?

Золотой мальчик пускается во все тяжкие

Британский фашизм невозможно понять без фигуры его создателя. Освальд Мосли не был нищим ефрейтором с окраин или деревенским учителем. Он был баронетом, аристократом с безупречной родословной, ветераном Первой мировой войны, где служил в престижных авиационных и кавалерийских частях.

В 1920-е годы Мосли называли «золотым мальчиком» британской политики. Он успел побывать и консерватором, и независимым депутатом, и даже министром в лейбористском правительстве. Ему прочили кресло премьер-министра. Но началась Великая депрессия. Безработица взлетела

до небес, остановились заводы, шахтеры голодали.

Мосли предложил правительству радикальный экономический план спасения, но старые политики отмахнулись от него. И тогда баронет хлопнул дверью. Он съездил в Италию, лично пообщался с Муссолини и вернулся в Лондон с убеждением: демократия умерла, болтовня в парламенте не спасет Британию - нужна диктатура и железная рука.

В 1932 году он создал Британский союз фашистов (БСФ).

Идеология: Империя как корпорация и яд антисемитизма

Идеология британских фашистов сильно отличалась от континентальных аналогов. Изначально это было движение не уличных громил, а технократов.

Опираясь на идеи Тольятти, мы помним, что фашизм всегда предлагает обществу красивую социальную фальшивку - «третий путь». Мосли предложил **корпоративное государство**. Он заявил, что традиционный парламент устарел, потому что в нем сидят дилетанты, не понимающие экономики. По плану Мосли, страной должен был управлять совет экспертов: вместо депутатов от территорий в него вошли бы представители отраслей (шахтеры, инженеры, банкиры, фермеры).

Вторым столпом идеологии была полная экономическая изоляция. Мосли хотел закрыть Британскую империю от всего остального мира таможенными барьерами. Зачем конкурировать с США или Германией, если у Британии есть коло-

нии? «Британия превыше всего!» - кричали его плакаты.

Но у этой интеллектуальной программы был изъян: она была слишком сложной для уличной толпы. И тогда Мосли, которому позарез нужна была массовая база, совершил тот же поворот, что и Леон Дегрель в Бельгии. Он сделал ставку на ненависть.

К середине 1930-х годов БСФ резко поправел. Главным рупором партии стал Уильям Джойс (будущий «Лорд Хау-Хау», который в годы войны будет вести нацистскую радиопропаганду из Берлина). Джойс заразил движение звериным, параноидальным антисемитизмом. Британские фашисты начали винить во всех бедах евреев: еврейские банкиры якобы организовали кризис, а еврейские портные якобы отбирали работу у настоящих англичан в лондонском Ист-Энде. Партия превратилась в армию агрессивных парамилитарных отрядов, которые целенаправленно ходили маршами по еврейским кварталам, провоцируя насилие.

Фашизм с королевским акцентом

Но самая скрываемая страница этой истории - это отношения правых радикалов с британской королевской семьей.

В январе 1936 года королем Великобритании стал Эдуард VIII. Это был молодой, невероятно популярный в народе монарх, любимец женщин и законодатель мод. Проблема заключалась в том, что Эдуард открыто симпатизировал фашизму. Поэтому и проправил всего 10 месяцев.

Король ненавидел коммунизм, презирал старых консерва-

тивных политиков вроде Уинстона Черчилля и считал, что Адольф Гитлер делает отличную работу по наведению порядка в Германии. Эдуард не стеснялся в частных беседах говорить, что Британии не помешала бы твердая фашистская рука. Немецкое посольство в Лондоне отправляло в Берлин восторженные телеграммы: «У нас на троне сидит наш человек!».

Британский истеблишмент (крупный капитал и старая аристократия) оказался перед колоссальной угрозой. И здесь стоит вспомнить гениальное определение Георгия Димитрова: фашизм - это диктатура, к которой элита прибегает *только тогда*, когда старые методы управления больше не работают.

Но в Британии они работали прекрасно! Британский правящий класс оказался достаточно умен и гибок, чтобы справиться с экономическим кризисом через коалиционное Национальное правительство. Им не нужны были уличные бандиты Мосли, и тем более им не нужен был неконтролируемый король-фашист, который мог втянуть империю в опасную игру с Гитлером. Британская буржуазия поняла, что дешевле и безопаснее сохранить традиционную демократию.

И тогда система нанесла удар. Элита блестяще использовала личную жизнь монарха. Эдуард хотел жениться на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон. Правительство, церковь и пресса устроили грандиозный скандал, заявив, что это недопустимо. Короля поставили перед выбо-

ром: либо трон, либо женщина. Эдуард VIII выбрал Уоллис и в декабре 1936 года отрекся от престола.

Освальд Мосли отчаянно пытался спасти ситуацию. Его чернорубашечники выходили на улицы с плакатами «За короля!», пытаясь превратить династический кризис в фашистский переворот. Но общество их не поддержало. Эдуард (теперь герцог Виндзорский) уехал в изгнание, а в 1937 году совершил скандальный тур по нацистской Германии, где лучезарно улыбался, жал руку Гитлеру и вскидывал руку в нацистском приветствии. Но он был уже политическим трупом.

Битва на Кейбл-стрит и бесславный конец

Видя, что он лишается даже призрачной поддержки наверху, что король вот-вот уйдёт, Мосли решил взять Лондон силой снизу. 4 октября 1936 года он задумал грандиозный марш семи тысяч чернорубашечников через Ист-Энд - бедный район, где жили еврейские иммигранты и ирландские докеры.

Это должно было стать триумфом силы, парализацией воли противника - классический парамилитарный прием. Но Мосли недооценил британский рабочий класс. Профсоюзы, коммунисты, анархисты и местные жители объединились. На улицы вышло до 100 тысяч человек. Они перегородили Кейбл-стрит баррикадами из перевернутых грузовиков, матрасов и мебели.

Когда полиция попыталась расчистить путь для фаши-

стов, на нее обрушился град из кирпичей, гнилых овощей и содержимого ночных горшков. Женщины кидали из окон камни, докеры дрались палками. Бойня длилась несколько часов. В итоге комиссар полиции подошел к Мосли и приказал отменить марш с угрозой, что в противном случае, он лично его сейчас арестует. Чернорубашечники были вынуждены с позором отступить.

Битва на Кейбл-стрит стала переломным моментом. Правительство немедленно приняло «Закон об охране общественного порядка» (Public Order Act 1936), который запретил ношение политической униформы. Фашисты лишились своего главного гипнотического оружия - черных рубашек. Без формы они стали просто кучкой обозленных маргиналов.

Когда в 1939 году началась Вторая мировая война, Мосли пытался вести пацифистскую пропаганду, призывая заключить мир с Гитлером. Терпение властей лопнуло в мае 1940 года. На 13 день своего премьерства, Уинстон Черчилль решил проблему радикально. По знаменитому «Постановлению 18В» (Defence Regulation 18B) спецслужбы арестовали Освальда Мосли, его жену Диану Митфорд и около тысячи активных членов БСФ. Их просто закрыли в тюрьмах и лагерях для интернированных без суда и следствия до конца войны.

Фашизм в Великобритании потерпел сокрушительное поражение. Он разбился не только о кулаки рабочих Ист-Эн-

да, но и о ледяной прагматизм британской элиты. Как предсказывал Димитров, крупному капиталу в Лондоне просто не понадобились услуги Мосли: зачем нанимать цепного пса, если у тебя есть крепкий поводок, надежный забор и отлично работающая полиция?

Глава 6. Венгрия. Крест на фоне стрел, социальный обман и трагедия последнего союзника Гитлера

В октябре 1944 года Будапешт напоминал растревоженный улей. Красная армия уже взламывала оборонительные рубежи на границах страны, а в замке Буда регент Венгрии, старый адмирал Миклош Хорти, лихорадочно искал выход из капкана. Он тайно пытался договориться с Москвой о перемирии. Но Гитлер не собирался отпускать на волю своего последнего союзника.

Немецкие спецслужбы провели молниеносную операцию. Диверсант Отто Скорцени похитил сына регента, завернув его в ковер прямо во время деловой встречи, и пригрозил расстрелом. Сломанный Хорти подписал отречение от власти и передал бразды правления Ференцу Салаши - лидеру ультраправой партии «Скрещенные стрелы».

Начались полгода безумного, кровавого карнавала, который сами салашисты называли «Венгерским национальным возрождением». На деле же это превратило процветающую европейскую страну в пылающие руины, залитые кровью собственных граждан.

Адмирал без моря против уличных радикалов

Чтобы понять, почему венгерское общество оказалось так легко отравить ядом фашизма, нужно заглянуть в межвоенные годы. Адмирал Хорти правил страной железной консервативной рукой. Это была диктатура старого образца: у власти стояла узкая верхушка из крупных аристократов-землевладельцев, высших офицеров и банкиров.

Венгрия того времени страдала от жесточайшего Трианонского синдрома - после Первой мировой войны она потеряла две трети своих территорий. Национальная гордость мадьяр была растоптана. Но была и другая, внутренняя проблема, о которой консерваторы предпочитали молчать: чудовищное социальное неравенство. В стране, где миллионы крестьян не имели ни клочка земли, а городские рабочие трудились за гроши, их презрительно называли «тремя миллионами нищих».

В этой питательной среде и возшла звезда Ференца Салаша. Бывший офицер генерального штаба, он создал партию «Скрещенные стрелы» (*Nyilaskeresztes Párt*). Символом движения стали две скрещенные стрелы - знак древних мадьярских кочевников, искусно стилизованный под свастику.

Хорти и его окружение салашистов презирали и откровенно побаивались. Для чопорных аристократов эти люди в зеленых рубашках были опасными деструктивными бунтарями. Хорти неоднократно запрещал партию Салаша, а самого «Вождя» даже упек за решетку. Но, как гениально подме-

тил в своих лекциях Пальмиро Тольятти, крупная буржуазия держит фашистов на коротком поводке лишь до тех пор, пока чувствует себя в безопасности. Как только старый режим зашатался под ударами кризиса и войны, элиты и немецкие штыки моментально открыли Салашаи дорогу на самый верх.

Антикапитализм для бедных: чем фашисты завлекали рабочих

Самый удивительный и пугающий парадокс «Скрещенных стрел» заключался в том, кто именно шел за Салашаи. Противники партии пытались выставить ее членов бандой маргиналов и уголовников, но статистика выборов 1939 года шокировала Будапешт. За фашистов проголосовали пролетарские пригороды столицы - такие как Чепель, главный индустриальный узел страны. Вчерашние левые рабочие, шахтеры Озда и нищие батраки вдруг массово надели зеленые рубашки.

Как Салашаи удалось совершить этот трюк? Он использовал изощренную социальную демагогию, о которой предупреждал Тольятти. Салашаи назвал свою идеологию «венгеризмом» (*Hungarizmus*), и это был не просто слепой слепок с германского нацизма. Это был фашизм с сильным социалистическим уклоном, замешанный на антисемитизме.

Салашаисты обещали рабочим и крестьянам то, о чем правительство Хорти даже слышать не хотело:

-Радикальную земельную реформу: отобрать земли у магнатов и церкви и бесплатно раздать их крестьянам.

-Национализацию крупных банков, шахт и тяжелой промышленности.

-Введение жесткого 40-часового рабочего времени и обязательных оплачиваемых отпусков.

-Участие рабочих в прибылях фабрик и заводов.

Для простого, измученного нуждой человека из будапештских трущоб эти лозунги звучали как спасение. «Скращенные стрелы» заигрывали с профсоюзами, создавали свои кассы взаимопомощи, устраивали бесплатные обеды для безработных. Они создавали иллюзию, что по-настоящему заботятся о простом человеке.

Свою ненависть салашисты направили по самому простому адресу. Они заявили, что во всех бедах венгерского пролетария виноваты не они сами и даже не венгерские аристократы, а «еврейский капитал». Мол, еврейские банкиры забирают себе все доходы, а еврейские лавочники грабят честных мадьяр. Это был «антикапитализм для дураков». Рабочему классу предложили заманчивую сделку: мы поднимем ваш жизненный уровень, дадим вам статус и уважение, но оплачено это будет тотальным ограблением и уничтожением «чужаков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.